

формативные» элементы. Взятые отдельно, некоторые сцены из «Писем» могут действительно приближаться к одному из этих полюсов. Но свое истинное значение многие сцены обретают только в соотношении их со всей системой изображения Швейцарии. «Чувствительные» сцены получают свое истинное значение только при руссоистском понимании чувствительности «естественного» человека — со многими вытекающими из этого социально-политическими выводами. В швейцарских главах «Писем» отчетливо прослеживается генетическая связь мировоззрения Карамзина с идеями Просвещения. Но для Карамзина идеи Просвещения уже не образуют системы абсолютных истин, поэтому они не являются конструктивной основой политической программы писателя. Не определяют они и всю структуру «Писем русского путешественника», а только структуру глав о Швейцарии. Единство «Писем» определяет не внеличностная система истин, как это было в просветительском романе, а мировосприятие конкретного путешественника — свидетеля грандиозных событий, происходящих в Европе, и прежде всего в этом, а не в излишней чувствительности и агностицизме проявляется субъективизм Карамзина. Сентиментализм Карамзина имеет значительный идейный фундамент, включающий в себя и идеи Просвещения, и идею исторического единства жизни нации.